

Максим Орлов

A detailed illustration of a dystopian city street. On the left, a long, multi-car train is stopped on tracks. The street is lined with tall, multi-story buildings that appear heavily damaged and overgrown with vegetation. In the distance, a massive, bright orange and yellow fire or explosion is visible, filling the sky. A large, dark, spherical object, possibly a planet or moon, hangs in the sky above the fire. A lone figure in a dark, tactical outfit stands on the tracks in the foreground, looking towards the viewer. The overall atmosphere is one of desolation and impending disaster.

**Огни забытых
городов**

Максим Орлов

Огни забытых городов

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Огни забытых городов / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Мир погиб не в огне ядерных взрывов, а в невидимых лучах с орбиты. Девять лет назад спутниковая сеть вышла из-под контроля, и теперь СВЧ-лучи выжигают города, тоннели и всё живое. Выжившие прячутся в метро, где энергия стала валютой, а электросмог, споры-мутанты и автоматика — смертельной угрозой. Бывший военный электрик Кира находит в заброшенном депо бронепоезд с маршрутом до легендарного «Хранилища 0». Там, по слухам, скрыт работающий реактор. Запустить его — значит дать убежищам тепло, свет и шанс. Но тридцать километров подземных магистралей — это путь через смертоносные ловушки, заражённые тоннели и излучение. Кира собирает команду: механика, ищущего пропавшую семью; картографа, одержимого данными спутников; наёмника с кровавым долгом. У каждого — своя тайна. «Огни забытых городов» — технотриллер без мистики, с кинематографичным саспенсом и живыми героями, чьи решения меняют мир.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Напряжение на корпусе	5
Глава 2. Чужой Допуск	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Огни забытых городов

Глава 1. Напряжение на корпусе

«Даже мёртвый провод хранит память о токе.»

— Из полевого справочника электромонтажников, 2035 год

Металл под пальцами шелестит, как старая плёнка. Контактная пластина дрожит, и стрелка вольтметра уходит вправо.

Корпус живой. Ток бежит по железу, как кровь по венам. Пятнадцать вольт. Достаточно, чтобы мышцы сократились, если схватиться голыми руками. Но недостаточно, чтобы остановить сердце. Пока.

Здесь, в подвале бывшего депо, где воздух густеет от запаха озона и горелой изоляции, Кира впервые ощущает страх не перед смертью, а перед жизнью.

Машины снова проснулись. И проснулись они не сами. Я разбудила их. Пришла и ткнула отвёрткой в спящее сердце. Теперь оно бьётся. Теперь надо понять, куда бежит кровь.

Смотрю на циферблат. Пятнадцать вольт. Потом семнадцать.

Колебания — наводка, гуляющая по корпусу от пробитой изоляции где-то в машинном зале. Если не заземлить — через час корпус накопит заряд, способный отбросить человека на три метра.

Если заземлить — можно работать. Всегда одно и то же: сначала заземление, потом диагностика, потом всё остальное.

Наставник вбил это в голову раньше, чем таблицу умножения. Руки сами находят клемму под пультом — старый кабель ПВС 4×6, проложенный ещё военными.

Его конец окислился в белёсую пыль. Зачищаю до жёлтого блеска, прикручиваю болтом М8 из аварийного набора. Контакт — ноль и три десятых Ома. Теперь можно включать свет.

И думать. Думать о том, куда заведёт этот поезд. О тех, кто пойдёт рядом. И о тех, кто, возможно, уже знает больше, чем говорит.

Вспоминаю наставника.

Как он впервые привёл меня в такое же мёртвое депо, заставил закрыть глаза и определить электросмог по привкусу.

«Рот — твой первый вольтметр, Кира. Язык чувствует ток раньше, чем приборы. Медь — значит десять-пятнадцать вольт на квадратный метр. Кислота — ближе к тридцати. Когда рот начинает вянуть, как после незрелой хурмы, — беги. Это уже пятьдесят, и никакое заземление не спасёт».

Я запомнила. Запомнила и его вечно обветренное лицо, и пальцы в шрамах, и манеру материться сквозь зубы, когда что-то шло не так. Теперь его нет, а я здесь — проверяю заземление на бронепоезде, который он никогда не видел, но который, как ни странно, построен по тем же принципам, что и его старый распределительный щит.

Интересно, что бы он сказал?

Наверное, выругался бы и добавил: «Дура, опять лезешь в мёртвую зону без страховки». А потом встал бы за плечом и подсказывал, куда смотреть. Или не встал бы. В последний раз, когда я нарушила его приказ, он просто молча ушёл. И через два часа погиб. Такая вот цепь: я нарушила — он погиб.

И каждый раз, когда замыкаю контакты, думаю: не повтори.

Стук. Металлический, ритмичный: три коротких, два длинных. Кто-то бил обрезком трубы или рукоятью ножа по рельсу в дальнем конце депо. Сигнал. Так обозначают себя свои, когда не хотят получить заряд картечи в живот.

Глеб. Он работал в этом секторе, разбирал старые генераторы на запчасти. Двигатель от его дизеля можно было собрать с завязанными глазами, а характером Глеб напоминал тот самый двигатель: тёплый снаружи, громкий внутри и вечно требующий ремонта.

Я не пошла на звук. Ждала. Через минуту он появился сам — вынырнул из вентиляционной штольни, отряхивая с рукава спортивную пыль.

— Нашла состав, — сказала я вместо приветствия. — Бронепоезд. На ходу.

Могла бы добавить «представь себе», но Глеб не удивился. Просто кивнул — так кивают, когда подтверждается давнее предположение. Пальцы его правой руки тут же нырнули в карман, теребя что-то плоское.

Жетон. Я заметила это ещё в прошлый раз, когда он сидел у распределительного щита.

— Двигатель турбинный. Аккумуляторы на сорок семь процентов. Маршрут до Хранилища ноль.

— Знаю маршрут, — сказал он и осёкся. Слишком быстро. Слишком ровно. Так врут дети, когда прячут разбитую чашку за спиной.

— Откуда?

Он помолчал. Пауза звенела, как неподключённый динамик.

— Карты смотрел. Старые.

Я не стала давить. Не сейчас. Пусть думает, что я проглотила наживку. Пусть расслабится. А там посмотрим, что у него за жетон и какие двери он открывает.

Я прошла в кабину. Оставила Глеба в проёме, пусть смотрит. Сама села в кресло, проверила крепления планшета.

Маршрут нужно было изучить до того, как команда соберётся. Не просто взглянуть, а вгрызться в карту, как в схему: понять, где нас ждут автоматические блокпосты, где — зоны гарантированного поражения, где возможны обвалы.

Тридцать километров подземных магистралей.

Это не просто линия на экране. Это тридцать километров в темноте, под постоянной угрозой наводки, под прицелом спутников, которые до сих пор сканируют поверхность в поисках цели.

Метро строилось с учётом бомбоубежищ, но никто не рассчитывал, что оно станет артерией для бронепоезда через мёртвый город.

Планшет показывал три ключевых участка.

Первый — «Саркофаг», автоматическая застава с системой идентификации. Там требовался код доступа или жетон. Жетон у Глеба — тот самый, который он теребит в кармане. Значит, пройдем. Если он не соврал. Если жетон действителен. Если код не сменился за девять лет. Слишком много «если», но других вариантов нет.

Второй участок — зона активного излучения, обозначенная жёлтым пунктиром. Там луч спутника пересекает тоннель под углом семнадцати градусов. Отклонение луча — плюс-минус двести метров в сутки. Сона должна рассчитать точное окно. Если ошибётся — корпус поезда раскалится добела за минуту.

Третий участок — заражённый сектор с пометкой «биоугроза».

Споровые колонии? Или что-то новое, мутировавшее за эти годы? Карта молчала. Придётся идти вслепую.

Я пролистала журнал событий.

Последняя запись: «Потеря связи с внешним контуром. Автономный режим активирован».

До этого — рутина: проверки систем, эвакуационные учения, отчёты о передвижениях. Потом — тишина. Девять лет тишины.

Я проверила, сколько осталось топлива в баках газотурбинного двигателя. Сорок процентов. Хватит на двадцать-двадцать пять километров, если идти экономным ходом.

Дальше — либо подзарядка от контактной сети, либо ручной ввод резервного топлива из запасов депо. Я знала, где лежат ёмкости с соляжкой — в дальнем отсеке, за машинным залом, но доступ туда был перекрыт споровой плесенью.

Значит, придётся чистить. Или рискнуть и дотянуть до Хранилища на остатках. Риск — это то, без чего не обходилась ни одна экспедиция. Но риск должен быть просчитан.

Наставник говорил: «Риск — это неизвестное сопротивление в цепи. Ты не знаешь, сколько Ом, пока не замеришь. Но догадываешься по косвенным признакам».

Я замеряла по косвенным: команда ненадёжна, топливо на пределе, маршрут опасен.

Однако напряжение в цепи росло. И другого источника энергии, кроме этого поезда, у нас не было.

Кабина поезда пахнет пылью и маслом. Не гнилью, не плесенью — сухим, старым запахом законсервированной техники. Такая техника живёт дольше людей. На панели приборов зеленеет единственный живой пиксель. Индикатор зарядки аккумуляторной сборки. Сорок семь процентов. Этого хватит, чтобы двинуться с места. Возможно.

Сажусь в кресло машиниста — жёсткое, с истёртой спинкой, но эргономика военная: всё под рукой, всё продумано. Прикасаюсь к рычагам. Холодный металл обжигает пальцы.

Вспоминается отец: «Машина — продолжение твоих рук, доченька. Относись к ней как к живой, но помни: она не человек. Она не прощает ошибок». Отец погиб в первый год после катастрофы. Не от излучения — от глупости. Полез в распределительный щит без проверки заземления. Ирония судьбы: электрик, учивший других безопасности, погиб от удара током. Я тогда решила: если умирать, то за чем-то стоящим. А не из-за ржавого контакта.

Сейчас чувствую этот поезд. Чувствую, как напрягаются его мышцы — гидравлика тормозной системы, как вибрирует сердечник генератора — газотурбинный двигатель, готовый закашлять и запеть.

— Мы можем поехать, — произношу вслух.

Глеб стоит в дверях, прислонившись к косяку. Лицо закрыто маской, видны только глаза. Тёмные, внимательные. Пальцы всё ещё в кармане.

— Куда поедем?

Вопрос звучит странно. Словно он сам не знает ответа. Или не хочет знать. Не отвечаю сразу. Нажимаю кнопку пуска. Стартер кашляет, дымит, но заводится. Лампы на потолке вспыхивают неровным светом — жёлтым, тёплым, почти домашним.

Поезд оживает. Дрожь идёт по корпусу, передаётся через кресло, через позвоночник. Это не вибрация — это пульс.

— Сначала разберёмся с маршрутом, — касаюсь планшета. — Потом решим.

Планшет включается. Экран треснут, но сенсор отвечает. Карта города, перечеркнутая красной чертой.

Надпись: «Маршрут активен. Точка назначения: Хранилище 0. Причина: дельта-протокол.»

Глеб наклоняется ближе, заглядывает через плечо.

— Никогда раньше не слышал о таком месте, — говорит он задумчиво.

Врёт. Я знаю, что врёт. По тому, как дёрнулся зрачок, по тому, как слишком ровно прозвучал голос.

Кручу колёсико увеличения. Город рассыпается на квадраты, улицы превращаются в линии, здания — в прямоугольники.

Где-то там, на севере, в районе бывших складов, находится эта загадочная точка. Тридцать километров подземных магистралей.

Тридцать километров тьмы, помех, спорных колоний и автоматических турелей. Тридцать километров до шанса.

— Пойдём посмотрим, — решаю наконец. — Нам нечего терять.

Глеб усмехается одними глазами, но ничего не отвечает. Просто берёт винтовку и уходит проверять остальные вагоны. Смотрю ему вслед.

Что он прячет в кармане? Что знает про Хранилище? И почему его «не знаю» прозвучало как «не хочу говорить»? Оставляю эти мысли на потом.

Сейчас — поезд. Сейчас — маршрут. Сейчас — сорок семь процентов заряда и газотурбинный двигатель, который ещё не прогрелся.

Встаю, иду к люку машинного отделения. Пора будить машину окончательно.

А с Глебом разберёмся позже. Когда придёт время.

Возвращаться на «Севастопольскую» пришлось через старую вентиляционную штольню — самый безопасный путь в обход заражённого сектора. Ни смога, ни спор, только капанье конденсата и тишина — плотная, звонкая, как в пустом баке.

Маркерные метки на стенах оставлял ещё наставник. Полустёртые, едва различимые — но память держала их лучше глаз.

Левая стена: трещина в форме буквы «К». Поворот направо.

Правая стена: три заклёпки, одна сорвана. Прямо до следующего вентиля. Хорошая карта — та, которая в голове. Бумага горит, планшеты ломаются, а память, если кормить её постоянно, работает даже когда отказывает всё остальное.

На полпути услышала за спиной шаги — торопливые, сбивчивые.

Сона. Она догнала меня, даже не запыхавшись, хотя от вестибюля до депо полкилометра подземными переходами. В руке — самодельный осциллограф, на поясе — контейнер с реактивами, за спиной — тощий рюкзак.

— Помехи на частоте двенадцать и восемь десятых мегагерца, — выпалила она с порога, даже не поздоровавшись. — Если идём северным тоннелем, надо успеть до следующего окна. У нас шесть часов, потом луч сместится на восьмой квадрат.

Глаза красные от недосыпа, пальцы в цыпках от реактивов, на щеке — след от присоски осциллографа. Типичная Сона: мир для неё — это поток данных, а люди — лишь досадные помехи на его пути.

— Сначала поезд, — осадила я. — Сначала заземление, изоляция, топливо. Потом твои расчёты.

— Но...

— Сона. Я сказала: сначала поезд.

Она заморгала, будто не понимая, почему её данные не ставят во главу угла.

Так и стояла, прижимая осциллограф к груди, как другие прижимают детей. Я поняла её. Понимала, что для неё этот архив — не просто цифры. Это Грааль. Это возможность предсказывать лучи на недели вперёд, только понимание не отменяло порядка работ.

— Хорошо, — сказала она наконец, поджав губы. — Но я всё равно пойду. Даже если поезд не заведётся.

— Заведётся, — бросила я через плечо. — И ты пойдёшь не пешком. Пойдёшь в вагоне, с приборами, и будешь считать то, что я скажу.

Сона хмыкнула — то ли обиженно, то ли согласно. Я не стала разбирать. У каждого из нас свой интерес. Важно, чтобы они не перемкнули цепь раньше времени.

Ратмир нашёлся там же, где всегда, — у дальней стены вестибюля, в самом тёмном углу. Спина прямая, винтовка на коленях, глушитель почти касается пола.

Он не чистил оружие — оно и так было безупречным. Он просто сидел и смотрел на вход.

Привычка. Профессиональная паранойя, втёвшааяся в мышцы за годы работы с караванами. Шрам через левую щёку — не от ножа, от осколка бетона. Значит, попал под обстрел турели.

Пальцы без дрожи — значит, не пьёт карбид. Глаза — спокойные, сонные, но фокусируются мгновенно, как оптика хорошего прицела.

— Работа, — сказала я, останавливаясь в трёх шагах. — Тридцать километров, открытые участки, возможны контакты. Оплата — светляки. Половина вперёд.

Он не спросил «какая работа». Он спросил другое:

— Почему я?

— Автоматические турели. Ты знаешь, как их обходить.

Пауза. Долгая. За это время можно было трижды проверить патроны.

— Половину сейчас, — сказал он наконец. — Вторую половину — по прибытии.

Я не торгуюсь. Усмехнулся. Не весело — понимающе. Так усмеваются люди, которые слышали это уже сто раз и сто раз получали ровно то, о чём договаривались.

— Есть условие, — добавил он, поднимаясь. — Если на маршруте встретится община с южного сектора — я выхожу первым и говорю я.

— Почему?

— Долги. Старые.

Я кивнула. Не стала спрашивать, какие именно. У каждого здесь долги. У Глеба — жетон в кармане. У Соны — одержимость архивом. У Ратмира — прошлое, которое он не хочет, чтобы шло за ним по пятам. У меня — поезд, который я должна довести до Хранилища любой ценой.

— Через час на перроне, — сказала я. — Проверь патроны.

Он снова усмехнулся — на этот раз почти тепло.

— Уже.

Я вернулась к составу раньше всех. Села на край платформы, свесила ноги, проверила ещё раз показания вольтметра.

Смог отступил — заряд на корпусе держался в пределах нормы.

Тишина. Только капанье где-то в глубине тоннеля да собственное дыхание.

В такие минуты, перед стартом, всегда вспоминался наставник. Не словами — ощущением. Как стоял за плечом, когда в первый раз заставлял зачищать клемму под напряжением.

«Руки не трясутся — уже половина дела. Думай о цепи, а не о себе. Себя в цепи нет». Себя в цепи нет.

Хорошая формула. Особенно когда впереди тридцать километров мрака, команда с двойным дном и спутниковая группировка над головой, которая за девять лет так и не забыла, как убивать. Я поднялась, отряхнула перчатки и пошла в кабину. Пора было заводить зверя.

Пояснения

Коронный разряд — физическое явление, возникающее при высоком напряжении на острых краях проводников. В условиях загрязнённой атмосферы создаёт характерные голубовато-белые вспышки и треск. Опасен как предвестник пробоя изоляции и возможного короткого замыкания.

Дельта-протокол — условное обозначение чрезвычайной ситуации, требующей немедленной эвакуации персонала. Связано с нарушениями защитных систем или несанкционированным доступом. В данном контексте активирован автоматически при потере связи с внешним контуром.

Хранилище 0 — условное название секретного объекта, предположительно служащего для хранения стратегических ресурсов или документации. Согласно обрывочным данным — автономный энергетический комплекс с реактором малой мощности. Среди сталкеров считается легендой.

Бронепоезд «Гранит-М» — военный эвакуационный состав на базе маневрового тепловоза. Гибридная силовая установка: газотурбинный двигатель плюс аккумуляторная сборка ёмкостью 800 кВт·ч. Бронирование корпуса — сталь 12 мм, усиленная керамическими плитами. Вместимость: 40 человек или 15 тонн груза. Последняя запись в журнале технического обслуживания — за сутки до катастрофы.

Светляк — компактный био-термальный аккумулятор военного образца (индекс БТА-7). Преобразует тепло человеческого тела в электричество. Один светляк питает фонарь или дозиметр в течение трёх-четырёх недель. Используется как основная валюта среди выживших.

Глава 2. Чужой Допуск

«Идентификация — это не проверка личности. Это проверка права на существование».

— Из инструктажа для операторов блокпоста «Саркофаг», 2034 год.

Поезд двигался плавно, разрезая темноту острым лезвием прожектора. Колеса катились по изношенным рельсам, издавая равномерный рокот, похожий на сердцебиение умирающего гиганта. Кабина наполнялась запахом горячего масла и пыли, смешанной с лёгким ароматом озона — вечным спутником электрических разрядов в этом мире. Кира сидела за штурвалом, крепко сжимая рычаги управления, словно пыталась удержать саму судьбу в железных объятиях. Рядом, в кресле второго пилота, неподвижно застыл Глеб, его лицо было бледным и сосредоточенным, глаза уставились вдаль, словно пытались разглядеть сквозь мглу грядущие опасности.

Они находились в тоннеле уже несколько часов, преодолевая километры разрушений и развалин, оставшиеся после катастрофы. Дорога была трудной и утомительной, но Кира знала, что самое страшное ждало их впереди. Вскоре они приблизятся к блокпосту «Саркофаг» — последнему рубежу перед глубинными тоннелями, ведущими к заветному Хранилищу 0. Эта мысль не отпускала её ни на секунду, заставляя сердце биться учащённо, а ладони покрываться липким потом.

— Сколько ещё до «Саркофага»? — спросил Глеб, прерывая затянувшуюся тишину.

Кира взглянула на дисплей навигационного планшета, где мерцала красная точка, отмечавшая их положение.

— Примерно километр, — ответила она коротко, не сводя глаз с дороги.

Глеб кивнул, но продолжал молчать. Его молчание раздражало Киру, словно тяжёлый груз, висящий в воздухе. Она знала, что он скрывает что-то важное, но не хотела показывать виду. Лучше дождаться подходящего момента, когда он сам решит поделиться информацией.

Вскоре впереди замаячил силуэт блокпоста. Массивные металлические ворота возвышались над землёй, словно исполинские стражи, готовые в любую секунду обрушить свой гнев на непрошенных гостей. Кира снизила скорость, осторожно приближаясь к препятствию. Сердце бешено колотилось в груди, а руки инстинктивно крепче сжали штурвал.

— Ну вот и приехали, — произнесла она тихо, словно разговаривая сама с собой.

Глеб выпрямился в кресле, его глаза лихорадочно заблестели.

— Давай-ка выйдем, — предложил он решительно. — Надо осмотреть ворота и выяснить, как они открываются.

Кира колебалась. Ей не нравилась идея оставлять кабину без присмотра, особенно учитывая репутацию блокпоста. Однако иного выхода не было — нужно было действовать быстро и решительно.

Они покинули кабину, взяв с собой необходимое снаряжение. Воздух снаружи казался тяжёлым и душным, пропитанный запахом сырости и ржавчины. Кира чувствовала, как мурашки бегут по коже, словно предупреждая о близкой опасности.

Подойдя к воротам, они обнаружили сложную систему замков и датчиков, установленных вдоль металлической рамы. Глеб начал изучать устройства, периодически поглядывая на Киру.

— Похоже, здесь нужен особый код или жетон, — заметил он, нахмурившись.

Кира кивнула, понимая серьёзность положения. Без нужного ключа они не смогут преодолеть блокпост, а значит, миссия окажется под угрозой срыва.

— У тебя есть что-нибудь подходящее? — спросила она, надеясь на положительный ответ.

Глеб отрицательно покачал головой.

— Нет, — признался он, — но я знаю, где можно найти нужный жетон.

Кира удивлённо подняла бровь.

— И где же? — поинтересовалась она с ноткой раздражения в голосе.

— В соседнем здании, — пояснил Глеб, указывая на полуразрушенный дом неподалёку. — Там раньше располагался штаб командования, и там наверняка остались нужные вещи.

Кира задумалась. Идти в здание, кишящее опасностями, было рискованно, но другого выхода не оставалось. Она приняла решение.

— Хорошо, пошли, — сказала она твёрдо, беря в руку пистолет.

Вместе они отправились к зданию штаба, стараясь держаться в тени и избегать открытых пространств. Каждый шаг отдавался эхом в их сердцах, усиливая чувство тревоги и неуверенности.

Наконец, они добрались до входа. Дверь была сломана, внутрь вела широкая лестница, устланная мусором и обломками мебели. Кира осторожно ступила внутрь, держась настороже. Глеб следовал за ней, внимательно осматривая помещение.

Через некоторое время они нашли комнату, где хранились необходимые жетоны. Быстро обыскав шкафы и полки, Глеб обнаружил искомый предмет.

— Вот он! — воскликнул он радостно, поднимая небольшой металлический значок.

Однако радость длилась недолго. Едва они успели выйти из комнаты, как услышали громкий хлопок позади себя. Обернувшись, они увидели, что дверь, через которую вошли, внезапно захлопнулась, отрезая им путь назад.

— Проклятье! — ругнулась Кира, понимая, что попали в ловушку.

Глеб попытался открыть дверь, но тщетно — механизм был заблокирован.

— Кажется, мы влипли, — констатировал он спокойно.

Кира оценивающе посмотрела на него.

— Ты знал об этом заранее? — спросила она жёстко.

Глеб промолчал, предпочитая не отвечать на неудобный вопрос.

Вдруг откуда-то издалека раздался низкий гул, постепенно нарастающий и становящийся всё громче. Земля начала трястись под ногами, заставляя обоих потерять равновесие.

— Землетрясение! — догадалась Кира, хватаясь за ближайшую стену.

Гул превратился в рев, сотрясая здание до основания. Камни сыпались с потолков, полы ходили ходуном, грозя провалиться в бездну. Кира и Глеб изо всех сил старались удержаться на ногах, но стихия была сильнее.

Наконец, землетрясение прекратилось так же неожиданно, как началось. Оба стояли посреди разрушенного помещения, покрытые пылью и грязью, но живые.

— Нам повезло, — выдохнула Кира, приходя в себя.

Глеб кивнул, соглашаясь.

— Теперь нам нужно вернуться к поезду, — напомнил он.

Кира осмотрелась вокруг. Единственным выходом оставалась небольшая дверь в противоположной стене, ведущая неизвестно куда.

— Надеюсь, это не очередная ловушка, — пробормотала она, направляясь к выходу.

Они осторожно открыли дверь и обнаружили узкий коридор, ведущий вниз. Следуя интуиции, Кира уверенно зашагала вперёд, ведомая внутренним чувством направления.

Проходя мимо очередного поворота, они вдруг заметили яркий свет впереди. Подойдя ближе, поняли, что это выход на улицу. Свежий воздух наполнил лёгкие, даря долгожданное облегчение.

Вернувшись к поезду, они обнаружили, что блокпост открыт. Очевидно, землетрясение повредило систему безопасности, позволив беспрепятственно пройти дальше.

Кира облегчённо выдохнула, понимая, что судьба дала им второй шанс.

Пояснения Блокпост «Саркофаг» автоматическая система защиты, установленная на входе в глубинный тоннель. Требуется наличия особого жетона для открытия ворот. Расположен вблизи бывшего штаба командования, где хранятся необходимые предметы. **Землетрясение** стихийное бедствие, вызванное сдвигами земной коры. В данном случае послужило причиной поломки системы безопасности блокпоста, позволив главным героям благополучно пройти дальше. **Жетоны доступа** металлические значки, используемые для идентификации личности и предоставления доступа к различным объектам. Имеют разные уровни допуска, зависящие от важности охраняемого объекта.

ГЛАВА 2. ЧУЖОЙ ДОПУСК

«Идентификация — это не проверка личности. Это проверка права на существование». — Из инструктажа для операторов блокпоста «Саркофаг», 2034 год.

Поезд шёл на двадцати километрах в час, раздвигая темноту носовым прожектором. Луч выхватывал ржавые стены тоннеля, обрывки кабелей, разбитые указатели. В кабине пахло разогретым маслом и карбидом — работал газотурбинный двигатель, ровно гудя на малых оборотах. Приборная панель светилась жёлтым и зелёным. Ни одного красного индикатора.

Пока.

Я сидела в кресле водителя, положив руки на штурвал, но не управляла — поезд пока шёл по инерции, по прямому участку, и вмешательства не требовалось.

Глеб расположился в откидном кресле справа, пристёгнутый двумя ремнями. Молчал. Смотрел в темноту за лобовым стеклом и молчал.

Сона устроилась в пассажирском вагоне, развернув на сиденьях свой осциллограф, контейнер с реактивами, планшет и ещё какие-то коробочки. Когда я заглянула туда перед отправлением, она уже что-то считала, бормоча под нос.

Ратмир сидел в хвостовом вагоне, у задней гермодвери. Винтовка лежала на коленях, глушитель смотрел в пол.

Он выбрал позицию так, чтобы видеть оба входа в вагон и одновременно контролировать задний сектор через смотровую щель. Привычка. Я не спрашивала, почему он сел именно там. Если человек выжил с караванами на открытых участках, значит, знает, где ему сидеть.

Сорок семь процентов заряда на аккумуляторах. Сорок процентов топлива в баках газотурбинного. Двадцать три километра до зоны, где контактная сеть может дать подзарядку. Если сеть жива. Если рельсы не повреждены. Если спутник не сменит траекторию луча в ближайшие шесть часов. Каждое «если» — ещё один резистор в цепи. Слишком много сопротивления, слишком мало напряжения. Но поезд шёл, и это было главное.

Шёл мягко, почти бесшумно, во всяком случае здесь, в кабине, слышен был только гул турбины да шорох колёс по рельсам.

Я вспомнила, как в детстве ездила с отцом на старом электропоезде в депо. Тогда под колёсами пели рельсы, и отец говорил: «Слышишь, Кира? Это поёт сталь. Хороший звук. Значит, ток идёт ровно, и путь целый».

Сейчас сталь не пела. Она шуршала, скрипела, иногда взвизгивала на стыках.

Но этот визг тоже был хорошим знаком — рельсы ещё держали, ещё не разошлись, не просели. Тоннель был старым, довоенным. Стены из литого бетона, кое-где потрескавшегося от времени и вибраций.

На потолке — кабельные трассы, обмотанные ветхой изоляцией, кое-где порванной и свисающей лохмотьями. Я всматривалась в темноту впереди, пытаюсь угадать, что ждёт за поворотом.

Планшет показывал карту, но карта — это одно, а реальность — другое. За девять лет тоннели могли обвалиться, затопиться, зарости споровой плесенью или стать гнездовьем искрянков.

Мы не знали, что там впереди, но ехали. Потому что другого пути не было. Потому что остановка означала смерть.

— Глеб, — сказала я, не оборачиваясь. — Рассказывай про жетон.

Он замер. Я видела это боковым зрением — как напряглись его плечи, как пальцы опять ушли в карман. Тишина в кабине стала вязкой, как смола.

— Что рассказывать? — спросил он наконец.

— Откуда он у тебя. Что он даёт. Почему ты знаешь маршрут. И почему ты мне не сказал об этом до того, как мы загрузились в поезд и закрыли гермодверь.

Он вздохнул. Долго, тяжело — так вздыхают люди, которые понимают, что врать больше не получится.

— Жетон отца. Он служил в инженерных войсках, занимался эвакуацией спецконтингента. Когда начался коллапс, его часть перебросили на этот маршрут. Я нашёл жетон через три года после катастрофы, в его кабинете, в бывшем штабе. Там же — карты, схемы, протоколы.

— И ты молчал.

— Я не знал, существует ли поезд. Знал маршрут, знал, куда он вёл. Но не знал, сохранился ли состав. Думал, это просто ещё одна легенда.

— А когда я сказала, что нашла бронепоезд? — Понял, что легенда стала металлом. Я повернулась к нему.

Глеб сидел, опустив голову, пальцы всё ещё в кармане, но уже не теребили жетон — просто сжимали его, как талисман.

— Зачем тебе Хранилище? — спросила я тихо.

Он поднял глаза. В них не было страха. Только усталость.

— Связь. В Хранилище есть антенна дальнего действия. Я хочу отправить сигнал в южный сектор, где законсервирована моя семья. Жена, дочь. Их эвакуировали за три дня до коллапса. Я не знаю, живы ли они. Но если живы — сигнал может дать им знать, что я здесь. Что я иду.

Я молчала. В его словах была логика. Та самая, которую я боялась услышать. Потому что теперь я понимала: ради этого сигнала Глеб пойдёт на всё. Возможно, даже на предательство.

— Почему ты не сказал сразу? — спросила я.

— Потому что ты бы не взяла меня. Ты ищешь реактор, источник энергии. А я — связь. Тебе плевать на антенну, тебе нужен реактор. Если бы ты знала, что я отвлеку ресурсы на сеанс связи, ты бы нашла другого механика.

Я не ответила. Потому что он был прав. Если бы я знала это до отправления, я бы сто раз подумала. Но теперь мы были в пути. И другого механика не было.

— Ладно, — сказала я. — Расскажешь детали про жетон, когда подойдём к «Саркофагу». Если он нам понадобится, я должна знать всё.

— Понадобится, — кивнул Глеб. — Без жетона «Саркофаг» не пройти.

Тоннель уходил вниз, под уклон в двенадцать градусов. Поезд ускорился, несмотря на тормозные колодки, — масса давила вперёд, и турбина не успевала сбрасывать обороты. Я перевела двигатель в режим торможения, гидравлика зашипела, колёса заскрежетали. Запахло горелым металлом.

— Скорость! — бросил Глеб, хватаясь за поручень.

— Вижу. Двадцать пять. Тридцать.

Уклон нарастал. Планшет показывал профиль тоннеля: мы входили в глубокий участок, проложенный под руслом бывшей реки. Здесь потолок был ниже, стены давили на состав, и казалось, что бетон смыкается, как глотка.

Я сбросила обороты турбины до минимума и включила рекуперативное торможение — пусть аккумуляторы подзарядятся, если получится. Стрелка на указателе ёмкости дёрнулась и поползла вправо.

Сорок восемь процентов. Сорок девять. Хорошо. Значит, сеть рекуперации работает. Значит, на спусках мы можем хоть немного пополнять заряд.

Маленькая победа. Но тоннель всё равно давил.

На стенах появились первые следы «Саркофага» — контрольные датчики в защитных коробах, кабельные вводы, маркировка с предупреждениями.

Я сбавила скорость до десяти километров. Прожектор высветил впереди массивный металлический шлюз — две створки, сходящиеся под углом, как ворота бункера. Над ними — ряд мигающих индикаторов.

Сбоку — бронированная будка с затемнённым окном. Вокруг — тишина. Мёртвая, глухая тишина, нарушаемая только стуком моего сердца.

— Приехали, — сказал Глеб. — Это он. «Саркофаг». Блокпост номер семь. Последний рубеж перед глубокими тоннелями.

Я остановила поезд в тридцати метрах от шлюза. Дальше нельзя — зона поражения автоматической системы. Если датчики засекут несанкционированное приближение, включатся излучатели станционного подавления. Те самые, что вызывают фибрилляцию сердца.

— Рассказывай, — сказала я Глебу. — Что ты знаешь про эту систему?

Он отстегнул ремни, встал и подошёл к лобовому стеклу. В свете прожектора его лицо казалось вырезанным из дерева — резкие тени, глубокие морщины. — «Саркофаг» — это автоматический контрольный пункт. Установлен за год до катастрофы, предназначен для защиты эвакуационных маршрутов от несанкционированного доступа. Работает в автономном режиме, питание от геотермальной станции глубокого заложения. Система идентификации — радиочастотная, запрашивает код доступа по протоколу «свой-чужой». Если код не получен или неверен — активируются излучатели.

— Какой радиус?

— Сто метров от шлюза. В зону попадает весь состав.

— Мощность? — Смертельная. В документах отца было указано: тестовые испытания на животных показали остановку сердца в течение тридцати секунд после активации.

Я посмотрела на шлюз. Сто метров. Мы уже стояли в зоне поражения. Если бы система работала в активном режиме, мы были бы мертвы. Значит, либо она в режиме ожидания, либо что-то вышло из строя.

— Почему нас ещё не ударили? — спросила я.

— Система в пассивном режиме. Она ждёт запрос на открытие шлюза. Если мы просто пошлём сигнал «свой», она откроет. Если «чужой» — включит излучатели.

— А если не пошлём ничего? — Тогда будем стоять здесь, пока не кончится топливо или не придёт луч.

Я помолчала. Потом сказала: — Жетон твоего отца. Он подходит?

Глеб достал из кармана плоский металлический прямоугольник. Жетон был старый, с облупившейся эмалью, но номер на нём читался чётко: ИВ-7732-К. — Это жетон офицера инженерных войск. Уровень допуска — «Дельта». Если база данных системы не обновлялась с момента катастрофы, она должна его принять.

— Должна или примет? — спросила я.

Он посмотрел мне в глаза. — Я не знаю.

Сона пришла в кабину без вызова. Видимо, почувствовала, что поезд встал, и решила, что её расчёты опять нужны. — Что тут? — спросила она, протискиваясь в дверь.

Осциллограф она оставила в вагоне, но планшет держала в руках, готовая в любой момент начать считать.,

— «Саркофаг», — ответила я. — Автоматический блокпост. Требуется код доступа.

— И?

— И у нас есть жетон. Возможно, он подойдёт.

— Возможно? — Сона нахмурилась. — То есть мы ехали тридцать километров, чтобы упереться в шлюз, который нас убьёт, если мы ошибёмся?

— Мы проехали семь километров, — поправила я. — До Хранилища ещё двадцать три. И да, этот шлюз нас убьёт, если ошибёмся.

Она замолчала, переваривая информацию. Потом спросила: — Какая частота у системы идентификации?

Глеб пожал плечами. — Не знаю. В документах ничего не было.

— Тогда я могу замерить, — сказала Сона. — Если система активна, она должна излучать на частоте запроса. Я поймаю сигнал осциллографом, мы узнаем модуляцию и, может быть, сможем подобрать код без жетона.

— Нет, — сказала я.

— Почему? — Потому что, если ты начнёшь сканировать, система может перейти в активный режим и включить излучатели раньше, чем мы попробуем жетон. Мы не знаем, как она реагирует на попытки взлома.

Сона поджала губы. — То есть мы просто суём жетон в сканер и надеемся на лучшее?

— Да. Именно так.

Ратмир вошёл бесшумно. Встал в дверях, опершись плечом о косяк, винтовку держал стволом в пол.

— Слышал разговор, — сказал он. — Какие варианты, если жетон не сработает?

Я повернулась к нему. — Если жетон не сработает, у нас есть примерно тридцать секунд, чтобы увести поезд из зоны поражения. Скорость у нас — двадцать километров в час максимум на подъёме. За тридцать секунд мы уйдём на сто шестьдесят метров. Зона поражения — сто метров. Теоретически можем успеть.

— Теоретически? — переспросил он.

— Теоретически. Если двигатель не заглохнет. Если рельсы не разойдутся. Если излучатели не бьют дальше ста метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.